

А. Л. Якобсон

КУЛЬТУРА И ЭТНОС РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
СЕЛИЩ ТАВРИКИ

В истории раннесредневековой Таврики VIII—IX вв. образуют значительную эпоху, полную противоречий. С одной стороны, экономический и политический центр края — Херсон, долгое время являвшийся столицей Таврики, явно увядает, строительство в нем прекращается, он деградирует. Византия, несомненно, способствовавшая в V—VII вв. его подъему, теряет в этом крае свои позиции и влияние. С другой стороны, по всей Таврике, особенно в ее восточной части, именно в то время зарождаются, крепнут и развиваются многочисленные поселения, что происходило, очевидно, из-за бурного притока нового населения. Чем вызван был этот процесс, какова экономическая, этническая и социальная природа его — вот вопросы, которым посвящено это краткое сообщение. Рассматриваемые проблемы важны для понимания истории всего Причерноморского мира в средние века.

1

При решении поставленных вопросов следует исходить, прежде всего, из общности материальной культуры сельских поселений, по крайней мере основных ее проявлений, на территории всей Таврики и степного Приазовья в VIII—X вв.

Это были, как выяснили наши многолетние раскопки¹, оседло-земледельческие поселения с развитым (в той или иной степени) скотоводством, почти тождественным составом керамического комплекса, близкими формами жилищ и обрядов погребения.

Конечно, имеются и специфические черты материальной культуры отдельных районов этой обширной территории, отражающие их место и судьбу в истории всего Северного Причерноморья в ту эпоху. Но эти особенности рельефно выступают на фоне определенной общности, элементы которой исторически наиболее важны.

Открытые поселения — селища, о которых идет речь, возникли, видимо, на обжитых местах; строительные остатки на многих из них обнаруживаются на слое с керамикой V—VI вв., однако слой этот выражен очень слабо, керамика малочисленна. По-видимому,

у большинства средневековых поселений не было преемственной связи с античными.

Керамический комплекс, выявленный нашими раскопками, довольно устойчив. Он резко членится на две основные группы: 1) гончарную керамику, представляющую собой ремесленную продукцию, 2) лепную керамику, выполненную в домашних условиях.

Группа гончарной керамики состоит преимущественно из сосудов, служивших тарой; ими являлись яйцевидные амфоры, в массе производившиеся в Чабан-куле и по соседству — в Канакской балке, где были открыты огромные гончарные печи, а также в районе Бахчисарая. Из этих гончарных центров амфоры развозились по всей Таврике, в Приазовье и нижний Дон. Другой распространенной формой их являлись кувшины с плоской ручкой и пифосы, производившиеся в Канакской балке и в юго-западной Таврике. Третья форма — это горшки со сплошным рифлением.

Но, как показали раскопки, в быту преобладала не гончарная, а лепная посуда — специфически деревенская керамика. Это, главным образом, горшки, служившие основным видом кухонной посуды, реже — миски.

Изучение керамического комплекса дает основание для следующих выводов: с городской культурой керамика селищ связана односторонне — влияние города, прежде всего Херсона, сказалось лишь на керамической таре — амфорах, пифосах, местные формы которых исходят из раннесредневековых образцов, бытовавших в Херсоне и Боспоре; то же относится и к высокогорлым кувшинам с плоской ручкой.

Резко отличаются от городских и ничего общего с ними не имеют формы кухонной и бытовой посуды². Это гончарные горшки со сплошным рифлением и лепные сосуды. Гончарные горшки с шаровидным туловом свойственны поселениям на обширном пространстве западной и восточной Таврики, Приазовья, бассейна Северского Донца и нижнего Дона (Саркел), причем керамический комплекс в Приазовье на поселениях VIII—IX вв. близок таврическому, а связь с одновременной керамикой Северного Кавказа выражена очень слабо: в частности, почти полностью отсутствуют большие сосуды с серным черепком и лощеным орнаментом. Таким образом, керамика селищ VIII—IX вв. в Таврике ясно намечает то направление исторических связей, в котором следует искать истоки культуры этих поселений.

Существенное дополнение к нашим наблюдениям дают жилища VIII—IX вв., хотя имеющийся материал очень ограничен (большинство поселений известно лишь по данным разведок). Жилой дом селищ Таврики VIII—IX вв. состоит, как правило, из двух неравных помещений (из них одно жилое) с открытым очагом. Стены возводились на каменном основании, на котором покоилась легкая конструкция из деревянных стояков, соединенных жердями, с толстой глиняной обмазкой; пол земляной, кровля — земляная или соломенная. Такого рода жилые постройки характерны и для юго-

западной, и для восточной Таврики (Илурат, с. Алексеевка на Керченском полуострове, холм Тепсень в Планерском); тождественны одновременные жилища в Приазовье и в Фанагории. В этих домах отражена, несомненно, позднеантичная традиция жилого строительства, в чем убеждают раскопки И. Т. Кругликовой.

В бассейне нижнего Дона и Северского Донца облик жилища существенно иной: там преобладают полуземлянки, большей частью одночастные, но нередко с выделенным хозяйственным помещением, с деревянно-глинобитной конструкцией стен (бревна-стояки, врытые в землю и соединенные плахами или плетнем, обмазанные толстой глиняной обмазкой), с открытым очагом в середине помещения или в углу. Таковы дома IX—X вв. в Саркале и других поселениях в его районе (городища Суворовское и Карнауховское). Нередко жилище имело скругленные очертания, а то и овальные, напоминавшие юрты кочевников, или представляли собой собственно юрты.

Различия между жилыми постройками Таврики и Северного Приазовья (с нижним Подоньем) объясняются, конечно, не только естественными условиями (отсутствие камня в Подонье), определившими иную строительную технику. Примитивность жилищ в степной и лесостепной зонах Приазовья и бассейне Дона отражает экономическую и социальную природу самих поселений, принадлежавших еще недавним кочевникам; ими, как известно, были населявшие северо-восточный район Причерноморья гунно-болгарские племена (праболгары).

Но, будучи привнесенной в Таврику пришлым населением, эта примитивная культура, оказавшись в сфере влияния таких центров, как Боспор и Херсон, не могла не претерпеть существенных изменений, объясняемых, прежде всего, оседанием кочевников и переходом их к оседлому земледелию. Селища, существовавшие в VIII и особенно в IX в., исследованные в восточной и западной Таврике, дают уже вполне выработанные формы жилищ, далеко ушедшие вперед по сравнению со своими предшественниками и современниками в Приазовье и Подонье, т. е. в том районе, где процесс оседания в VIII—IX вв. был далеко не завершен и где по этой причине дольше держались архаические формы жилища.

Формы двухчастного жилища на каменном основании выработались не сразу. Это показывает частично раскопанное в 1970—1971 гг. поселение VIII в. Тау-Кипчак в районе Симферополя; поселение состоит из групп прямоугольных полуземлянок 3—5-метровой столбовой конструкции (как на Дону) или со стенами из мелкого бута «в елку»³, т. е. из жилищ более архаичных, чем те, которые мы знаем в восточном и юго-западном Крыму в IX в. По-видимому, Тау-Кипчак возник еще в начальную пору процесса оседания пришлого праболгарского населения, когда контакты с культурными центрами тогдашней Таврики еще не были тесными и не успели сказаться на материальной культуре новоселов и изменить ее облик. Расположенное в степной зоне Крыма,

оно к тому же и территориально отдалено от Боспора и Херсона.

Впрочем, элементы общего между жилищами Таврики и прибрежных степных поселений Приазовья наблюдаются и позднее — в IX в. вблизи Боспора и Таматархи, в типично оседлых поселениях (там также бытовали двухчастные жилища на каменном основании, с легкими глинобитными перегородками жердевой конструкции, несколько углубленные наподобие полуземлянки). В жилых домах раннесредневекового Херсона такие особенности не встречаются.

Общие черты мы находим и в устройстве могильников. В Таврике обычны грунтовые могилы, обложенные по античной традиции тесаными плитами и перекрытые тонкими бесформенными плитами; известны и простые грунтовые могилы без обкладки или обложенные только деревянными плахами (могильник близ с. Родниковое). Погребенных клали на спину, головой на запад, правая рука обычно согнута в локте. Нередко в могилу ставили горшок с пищей. Специфическим являлся обычай класть под голову погребенного или на его подбородок куски черепицы — своего рода символ домашнего очага, который необходим будет умершему в «загробной жизни». Инвентарь этих могильников крайне беден.

Помимо Таврики, аналогичные крымским плитовые могилы известны на Северочерноморском побережье Кавказа (Борисовский могильник), отчасти на Северном Кавказе (в Черкассии) и на Северском Донце (близ ст. Каменский; здесь, правда, ориентировка могил другая — на юг). В степных районах Приазовья (на нижнем Дону и Северском Донце) шире распространены грунтовые могилы (ямные погребения) — в Зливках, Покровском и Саркелском могильниках, известные и в юго-западной Таврике (близ с. Родниковое). Те и другие некрополи сближает способ захоронения, бедность инвентаря, состоявшего почти исключительно из горшка с пищей (столовая лощеная посуда, обычная в катакомбных могильниках типа Салтова, здесь отсутствует).

Наконец, грунтовые могильники Приазовья и Таврики объединяет антропологический тип погребных, почти исключительно брахикранный, в противоположность долихокранному, господствующему в катакомбных могильниках лесостепной зоны Подонья — в Салтовском, Дмитровском, Маяцком и других.

Ареал культуры, характеризуемый некрополями с грунтовыми (ямными) могилами, обложенными плитами или без обкладки, включает в себя, таким образом, по преимуществу степные районы нижнего Дона и Северского Донца, населенные праболгарами, затем ближайшую в Таврике часть Черноморского побережья и **саму Таврику**. Следует отметить, что в Херсоне могилы такого устройства неизвестны.

Общность, наблюдаемая в сфере материальной культуры VIII—IX вв. между Таврикой — с одной, и Приазовьем и По-

доньем — с другой стороны, не может быть объяснена только местными условиями. Она складывалась, несомненно, под влиянием притока из районов Приазовья нового населения, передвигавшегося к западу и захватившего, по-видимому, всю южную половину полуострова; иначе говоря, причина этого явления заключалась в этнической истории северо-восточного Причерноморья, включая междуречье Дона и Северского Донца, в истории так называемой салтово-маяцкой культуры, и прежде всего в истории праболгарских племен, обитавших там в раннее средневековье.

В VII в. район оз. Меотийского — к северу от р. Куфис (Кубань), т. е. Приазовье и Нижнее Подонье, — занимало, как хорошо известно, мощное племенное объединение «Великая Болгария», о котором сообщают византийские хронисты Никифор и Феофан⁴. Однако «Великая Болгария» оказалось непрочным и недолговечным образованием: оно вскоре распалось, о чем сообщают те же писатели. После смерти Кубрата его сыновья со своими ордами «отделились друг от друга». Баян (Батбоян у Феофана) остался на прежнем месте, т. е. в Приазовье и Нижнем Подонье; его брат, Котраг, поселился по другую сторону Танаиса (возможно, по мысли В. Ф. Генинга⁵, в верховьях Северского Донца). Третий сын, Аспарух, увел свою орду (болгар-оногуров) на Запад, за Истр (Дунай), во Фракию, где образовалось Болгарское царство; четвертый сын обосновался за Истром в Паннонии, где заключил союз с местными племенами (аvaraми); пятый сын со своей ордой дошел до Пантаполлиса около Равенны и «стал подданным ромеев». Одна из болгарских орд направилась в Среднее Поволжье. Произошли эти передвижения в конце VII в.

Позднее, в IX и X столетиях, приазовские болгары — потомки орды Батбия — выступают уже под новым именем черных болгар (их страну Константин Багрянородный и русская летопись называют Черной Болгарией)⁶. Именно они занимали собственно Приазовье и степное междуречье Дона и Северского Донца — территорию, ближайшую к Таврике. Им и принадлежали многочисленные поселения этого района и такие памятники, как могильник в Зливках. Именно они, можно думать, и продвинулись частично в Таврику в VIII в.

По-видимому, праболгарские племена Приазовья в то время еще только начали переходить к оседлости. Так позволяют говорить не только типично кочевнические формы керамики (сосуды с внутренними ручками) и овалы в плане землянки с очагом в центре, напоминающие юрты, но и характер самих поселений, обследованных С. А. Плетневой в северо-восточной части Приазовья в бассейне нижнего Дона и Северского Донца, — поселений, являвшихся, скорее всего, летними или зимними становищами больших многосемейных кочевнических общин⁷. Но, продвинувшись в Таврику и заняв территорию рядом с Боспором, который не мог не оказать большого влияния на экономику и всю жизнь пришлое население, праболгары, сливаясь с местным населением, не-

избежно переходили к оседлому земледелию. Признаки недавнего кочевнического быта быстро исчезали и вскоре стали почти неощутимы, особенно в западных районах края.

Чем было вызвано продвижение праболгарского населения из Приазовья в Таврику, сначала в степной восточный район, затем и в западную нагорную ее часть? На новые земли болгар гнало обнищание, разорение их хазарской властью, усиление податного гнета в связи с хазаро-арабскими войнами конца VIII в. Но Таврика влекла к себе не только потому, что была смежной территорией, для переселенцев здесь сложилась весьма благоприятная обстановка: византийское господство значительно ослабло и край приобрел относительную независимость; во-вторых, в Северном Причерноморье на долгое время, вплоть до конца IX в., исчезла угроза вторжения степняков.

Падение византийского господства в Таврике еще в VII в. вызвано было резким ухудшением положения империи, все силы которой поглощала война с Персией, затем нашествие арабов, с севера нависла угроза болгарских орд Аспаруха. Внутри государства не утихала классовая борьба как следствие безудержного податного гнета. Так продолжалось и в VIII в., когда в Таврике образовался один из наиболее активных очагов противодействия политике императоров-иконоборцев: сюда, как известно, направлялась сильная монашеская эмиграция, с которой, по всей вероятности, и связано было возникновение в Таврике целого ряда монастырей. Фактически не зависимой от Византии Таврика оставалась и в первой половине IX в., хотя весь этот край и продолжал номинально числиться византийским владением, но правителям Византии в то время было не до него вследствие крайней обостренности внешнеполитического положения империи.

С другой стороны, власть хазар, вторгшихся в Таврику в VII в. и долгое время хозяйничавших там, резко ослабла и постепенно утратила прежнее реальное значение. Это было одним из следствий хазаро-арабских войн, усилившихся в 30-х годах VII в., что исключало возможность одновременно удерживать в повиновении Таврику, в крепостях которой еще в начале столетия стояли хазарские гарнизоны.

В начале IX в. изменилась и вся обстановка в степях Северного Причерноморья: в результате вторжения мадьяр, а затем печенегов положение хазар в этой обширной области еще более ухудшилось, особенно в середине IX в., когда в Поднепровье и Причерноморье активизировалась Русь. Северные и северо-западные границы сократившегося хазарского государства отодвинулись к Дону; их обозначает хазарская пограничная крепость Саркел, построенная в 834 или 837 г.

Итак, ослабление в VIII в. хазарского господства в Таврике, затем его падение, фактическая независимость края в то время от Византии, как и относительное затишье в северо-причерноморских степях, наступившее в VIII в. и продолжавшееся до конца

IX в., создали новую обстановку, благоприятную для возрождения края. И действительно, во второй половине VIII — начале IX в. почти повсеместно стали оживать земледельческие поселки. В приморские степи восточной Таврики, а затем и в юго-западные нагорные районы и, наконец, на западное побережье полуострова потянулось из Приазовья новое население. Возникновение и рост поселений дали толчок внутреннему обмену, возрождению ремесла.

Проследить ход этого процесса мы пока еще не в состоянии, ибо археологический материал слишком ограничен. Но одновременность возникновения массы поселений указывает на интенсивность этого процесса. Именно в это время образуются большие ремесленные центры гончарного производства в районе Судака (в Чабан-куле близ с. Морского и в Канакской балке), близ Мисхора и в юго-западной Таврике, где М. Я. Чореф недавно открыл еще два крупных очага гончарного производства того же времени — в районе Бахчисарая (близ с. Трудолюбивка, бывшее с. Русский Бодрак, и близ с. Голубкина, бывшее Фоти-сала) ⁸. Массовый обжиг амфор производился там в больших двухъярусных гончарных печах с двумя продольными широкими топочными каналами и системой узких поперечных боковых каналов. Устройство этих печей говорит о большой технической культуре, генетически восходящей к технике позднеримского времени, ее не могли привести с собой недавние кочевники — праболгары. В появлении и развитии в восточной и юго-западной Таврике крупных гончарных центров, скорее, немалую роль сыграли ремесленники-aborигены, которые в те времена вынуждены были оставить хиревшие Херсон и Боспор и перебраться туда, где спрос на их труд, в связи с быстрым ростом многочисленных поселений, увеличивался с каждым годом. На развитие ремесла указывает и возникновение очагов металлургии (выплавка железа близ с. Гончарного и Передового). Развитие гончарства и металлургии убедительно говорит об интенсивности процесса выделения ремесла из сельского хозяйства в Таврике, сопровождавшего бурный рост поселений.

3

Продвинувшиеся в Таврику праболгары оседали отнюдь не на опустошенных землях. Они застали там поселки коренных обитателей Таврики, преимущественно греков и сармато-алан. Правда, это были редкие поселки, как показывают очень уж невыразительные и тощие раннесредневековые (V—VII вв.) слои на поселениях.

Помимо греков и алан, в юго-западной Таврике осела и часть готов оттесненная сюда еще на заре средневековья гуннами. Готов-земледельцев в VI в. в стране Дори упоминает Прокопий. Возможно, в сельском населении нашли себе место и кочевники-гунны, неизбежно выделявшие из своей среды оседлый элемент. На этническую неоднородность и смешанность юго-западной Таврики в раннее средневековье (VI—IX вв.) отчасти указывает и антрополо-

гический материал, добытый раскопками могильников Суук-су, Чуфут-кале, в Инкерманской долине на р. Каче (Баштановка), на Мангупе и Эски-Кармен. С этим этнически пестрым населением, к тому времени грецизированным, и сливались пришлые праболгары.

Надо сказать, что в этом этническом массиве греки отнюдь не являлись доминирующим элементом. В представлении современников-европейцев, и прежде всего византийцев, среди жителей Таврики было меньше всего греков. По словам смирского митрополита Митрофана, это были «пришельцы из разных варварских народов», «толпы язычников»; по отзыву Федора Студита, — это «чужая страна», т. е. чужая греческому миру; о враждебном окружении Херсона в 20-х годах IX в. говорит житие Иоанна Психаита; на негреческое население юго-западной Таврики указывают и «Фульсче Языци» Паннонского жития Константина Философа⁹, и их языческие обычаи.

Этот неоднородный и сложный полуязыческий мир, в сущности, нельзя назвать ни греческим, ни готским, ни аланским. Нельзя назвать его и праболгарским. Различные народности края, долгое время находившиеся в постоянном общении и тесном взаимодействии, образовали единый этнический сплав. Эпоха интенсивного роста сельских поселений в Таврике в VIII—IX вв. — это время формирования в стране единой средневековой народности, в которой растворялись различные этнические элементы, в той или иной степени грецизированные.

Пришлые праболгары внесли в этот процесс этногенеза новый и весьма ощутимый активный и жизненный элемент, придавший своеобразный и специфический облик всей культуре сельских поселений Таврики, роднящий их с праболгарской культурой Приазовья.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Д. Яковсон. Раннесредневековые поселения Юго-Западной Таврики. — МИА, № 168, гл. III, 1970.

² МИА, № 168, гл. II, 1970.

³ И. А. Баранов. Салтово-маяцкое поселение Тау-Кипчак в Крыму. Археологические открытия 1970 г. М., стр. 283—284; *его же*. Розкопки салтово-маяцкого поселения на р. Зуї в Крыму. — «Археологічні дослідження на Україні в 1969 р.», вып. IV. Київ, 1972, стр. 248—250.

⁴ См.: М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 160—169.

⁵ В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. Ранние болгары на Волге. М., 1964, стр. 113.

⁶ ПСРЛ, 1, 1926, стлб. 51.

⁷ С. А. Плетнева. От кочевий к городам, гл. II. М., 1967.

⁸ См.: Археологические открытия 1971 г. М., 1972, стр. 377—379; Археологические открытия 1972 г. М., 1973.

⁹ И. В. Ягич. — Записки Академии наук, LXXII, 1893, прилож. № 6, стр. 6—7, 9—10; Творения Феодора Студита в русском переводе, II. Спб., 1908, стр. 454; Хр. М. Лопарев. Греческие жития святых VIII—IX вв., ч. I. Пг., 1914, стр. 235—236; П. А. Лавров. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. — «Труды Славянской комиссии АН СССР, II». Л., 1930, стр. 12.